Д. С. Менделеева

СВЯТООТЕЧЕСКАЯ СИМВОЛИКА В ТВОРЧЕСТВЕ ПРОТОПОПА АВВАКУМА

Образные переклички в сочинениях протопопа Аввакума и св. Иоанна Златоуста

Изучение образности аввакумовских сочинений привело нас к выводу о том, что творчество этого автора обладает своеобразной символикой: «в своих полемических изысканиях Аввакум… неизменно старается рассмотреть современные ему события через призму библейского текста и обширной литературной традиции. Таким образом, авторские зарисовки, зачастую воспринимаемые исследователями как простое «отражение» окружающей действительности, являются на самом деле…авторской попыткой *истолковать* действительность, увидеть за внешними событиями и персоналиями… «подлинный» мистический смысл».[1]

В этих условиях особенно важное значение приобретает литературный контекст трудов протопопа, а именно, — та толковательная традиция, из которой автор черпал идеи и образы, актуализируя их в своих сочинениях применительно к окружающей действительности. На мысль о существовании подобной литературной преемственности наводит нас не только традиционализм как общее качество средневековой литературы, но и выявленные нами образные переклички сочинений Аввакума и украинского полемиста конца XVI — начала XVII века Иоанна Вишенского — нередкие совпадения в трудах двух не пересекавшихся при жизни авторов можно объяснить тем, что они черпали вдохновение и запас образов из общего источника.

В предыдущем исследовании мы отчасти рассмотрели особенности использования библейских образов в трудах Аввакума.[2] Вместе с тем несомненно, что важным и авторитетным источником, на который протопоп мог и должен был ориентироваться, является святоотеческая литература, в частности сочинения Иоанна Златоуста. Краткий обзор различных творений Златоуста, упомянутых и использованных в творчестве протопопа, пыталась сделать в своё время Н.С. Демкова,

в числе таковых называвшая, в частности, Беседы Златоуста на Послания апостола Павла и на Деяния апостолов, слова против иудеев, три слова «о непостижимом», а также слова «о вочеловечении», «о крещении», «о еже предста царица», «о лжеучителях», «об оглашении», «о умилении», на Рождество Богородицы, на Пасху, а также ряд сочинений, вошедших в древнерусский «Маргарит».[3] Об интересе Аввакума к творчеству Иоанна Златоуста свидетельствуют и любопытные выписки, обнаруженные в своё время И. М. Кудрявцевым.[4] Вместе с тем, полного обзора заимствований из сочинений византийского автора в трудах отечественного книжника до сих пор выполнено не было, более того, такая задача представляется нам весьма трудно выполнимой. Причиной тому, помимо действовавшей до недавнего времени цензуры, оказывается, с одной стороны, обширность проповеднического наследия святителя, а, с другой — тяготение Аввакума не столько к прямым цитатам, сколько к пересказам по памяти, или ещё чаще — к использованию и свободному сочетанию образов, заимствованных из святоотеческих сочинений.

Отдельная проблема заключается также и в том, что, мы не можем сейчас точно обозначить тот круг Златоустовских сочинений, которые бытовали на Руси в середине XVII столетия. Притом, что сочинения Отцов Церкви в течение этого века неоднократно издавались на Московском Печатном дворе[5], всё же, можно полагать, что основным способом их распространения оставался рукописный, а значит, по печатным изданиям мы не сможем в полной мере оценить тот «ассортимент» трудов святителя, которые находились в распоряжении протопопа. Проблема отчасти решается путём привлечения к сопоставлению современных изданий, однако при этом появляется масса сложностей в связи с изменившейся за прошедшие века традицией перевода. Впрочем, поскольку в случае с Аввакумом речь пойдёт не столько о прямых цитатах из Иоанна Златоуста, сколько о совпадении некоторых идей и образов, такой подход также оказывается приемлемым.

Ранее мы уже сделали вывод, о том, что, «описывая в своих произведениях собственных идейных противников, Аввакум ориентируется не только и не столько на окружающую действительность, но на некий «готовый» собирательный образ отрицательного персонажа («еретика», грешника»), уже существующий в его сознании».[6] Итак, основная задача нынешней нашей статьи — попытаться найти в сочинениях Иоанна Златоуста истоки тех устоявшихся представ-

лений о грешниках и праведниках, а также их быте и образе жизни, которые мы уже наблюдали в сочинениях Аввакума. Таким образом, в отличие от большинства исследований, проводимых на стыке литературоведения и богословия, святоотеческое наследие будет интересовать нас не с точки зрения догматики, а с точки зрения литературной образности.

Из наших предшествующих наблюдений следовало, что все отрицательные персонажи аввакумовского творчества — будь то хорошо знакомые протопопу «никониане», почти неведомые ему в реальной жизни иноземцы, или даже по тем или иным причинам впавшие в немилость протопоповы сподвижники — наделяются в сочинениях этого автора целым рядом общих черт — все они в той или иной степени горды, коварны и жестоки, все тяготеют к «внешней мудрости», выражающейся в глубоких познаниях в риторике, философии и даже астрологии в ущерб изучению Святого Писания. Соответственно, все аввакумовские грешники тяготеют к светскому образу жизни, проявлениями которого являются пышные одежды, роскошные пиры со множеством утончённых яств и вин, дворцы с богатым внутренним и внешним убранством, а также особо отмечаемые Аввакумом «кореты». Самым замечательным, однако, является то, что, попав в мир сочинений Иоанна Златоуста, мы найдём там множество хорошо знакомых нам черт.

Так, во многих «словах» святителя присутствует противопоставление грешников и праведников, христиан и язычников, в которых последние неизменно выглядят людьми гордыми и властолюбивыми: «стараются захватить себе все чужое», «имеют толпы слуг и окружают себя роями льстецов», «считают себя лучше всех, и поэтому думают, что им можно говорить и делать все» (К верующему отцу слово третье).[7] Описываемые Златоустом грешники сласто- и властолюбивы: они «выдумывают новые и беззаконные способы наслаждения», «стремятся к власти или начальству» (К верующему отцу слово третье)[8], «любят богатство, власть, первенство и славу, и многие ублажают властителей народов» (Сравнение власти, богатства и преимуществ царских с истинным христианским любомудрием христианской жизни).

В трудах святителя многократно подчёркнут интерес грешников к возведению роскошных зданий: собственно, грешники иногда определяются в его «словах» как те, «которые строят великолепные дома» (К верующему отцу слово третье). Временами, по словам епископа,

роскошь собственных жилищ оказывается для грешников превыше всех других жизненных интересов: «чтобы на доме стояла дивная статуя и кровля была золотая, вы все готовы потерпеть» (К верующему отцу слово третье). Особо подчёркивается им также страсть ведущих недостойную жизнь к изысканным пирам: отрицательные персонажи в его сочинениях «предлагают роскошные трапезы» (К верующему отцу слово третье), «любят чревоугодничать, располагаться за роскошными трапезами и обращаться с красивыми женщинами, подобно свиньям валяясь в грязи» (К неверующему отцу); упоминает Златоуст и царедворцев «предающихся вину и услаждающихся удовольствиями и большую часть дня проводящих в пиршестве, не знающих ничего важного или доброго вследствие опьянения…» (Сравнение власти, богатства и преимуществ царских с истинным христианским любомудрием христианской жизни).

Весьма недостойным занятием, по мнению епископа, является чрезмерный интерес людей к собственной внешности: «Мы… позволяем украшать себя цветами, красками, складкою волос, убранством одежд, расписыванием глаз и множеством других хитростей, придумываем себе, такую красоту…» (К Феодору Падшему 1-е). Греховная жизнь также оказывается тесно связана в трудах греческого епископа с царскими одеждами и выездами: «если бы носил золотую, или вернее пурпурную одежду, даже надевал на голову самый венец, сидел на шелковых коврах, ездил на мулах и был сопровождаем златоносными оруженосцами» (К неверующему отцу). Одним из неотъемлемых атрибутов суетной жизни оказываются у Иоанна Златоуста кони и экипажи, столь хорошо знакомые нам по творчеству Аввакума: «Чтобы был у сына слуга, чтобы был конь, чтобы была самая лучшая одежда, вы делаете все» (К верующему отцу слово третье); «многие ублажают властителей народов, возимых на блестящих колесницах и сопровождаемых криком глашатаев и большой толпой оруженосцев» (Сравнение власти, богатства и преимуществ царских с истинным христианским любомудрием христианской жизни). Даже грядущее Второе пришествие, по мнению Иоанна Златоуста, будет лишено такой внешней пышности: «Этот Царь, не в запряжке белых мулов, не на золотой колеснице, не в порфире и диадеме, — не так грядет судить землю» (К Феодору Падшему 1-е). Отнюдь не внешние атрибуты роскоши и власти называет Златоуст истинным украшением христианских праведников: «Собственное наше богатство и украшение составляют не слуги, одежды и кони, но добродетель души, богатство добрых дел и дерзновение пред Богом». (Слово на Новый год).

Одно из пространных высказываний святителя оказывается весьма созвучным аввакумовскому увещеванию для царя Алексея Михайловича, которое мы можем найти в «Книге толкований и нравоучений»:

Не видал ли ты, как умирали жившие в роскоши, пьянстве, играх и прочих удовольствиях жизни? Где теперь те, которые выступали по торжищу с великою надменностью и многочисленными спутниками, одевались в шелковые одежды, издавали от себя благовоние мастей, кормили нахлебников и постоянно прикованы были к зрелищам? Где теперь эта пышность их? Пропали огромные расходы на ужины, толпа музыкантов, угодничество ласкателей, громкий смех, беспечность души, рассеянность мысли, жизнь изнеженная, праздная и роскошная. Куда теперь улетело все это? Чем стало это тело, которое удостаивалось такой заботливости и чистоты? Пойди на могилу, посмотри на пыль, на прах, на червей, посмотри на безобразие этого места, и — горько восстенай». (К Феодору Падшему 1-е)

Бедной, бедной, безумное царишко! Что ты над собою сделал? Где ныне светлоблещающиися ризы и уряжение коней? Где златоверхие полаты? Где строения сел любимых? Где сады и преграды? Где багряноносная порфира и венец царской, бисером и камением драгим устроен? Где жезл и меч, им же содержал царствия державу? Где светлообразныя рыачьды, яко ангели перед тобою оруженосцы попархивали в блещащихся ризах? Где вся затеи и заводы путошнаго века, о нихже упражнялся невостягновенно, оставя Бога, яко идолом бездушным служаше? Сего ради и сам отриновен еси от лица Господня во ад кромешной. Ну и сквозь землю пропадай… (574—575).[9]

Вместе с тем, обрисованные в сочинениях Иоанна Златоуста грешники и язычники, оказываются далеко не единственными персонажами, из описаний которых предстоятель русского старообрядчества мог заимствовать черты для своих обличительных изображений современников. Немало чёрных красок в собирательные портреты грешников протопоп мог почерпнуть из святоотеческих описаний иудеев. Ранее, затрагивая вопрос о библейских заимствованиях в творчестве Аввакума, мы уже останавливались на некотором сходстве протопоповых никониан и новозаветных фарисеев.[10]

К тому же времени, когда писались сочинения Иоанна Златоуста, размежевание двух мировых религий — христианства и иудаизма — завершилось. Именно поэтому, говоря об иудаизме, христианские проповедники, в абсолютном большинстве случаев, обращались теперь не к иудеям, а к собственной пастве, всячески предостерегая её от контактов с иноверцами. И в сочинениях Иоанна Златоуста иудеи

выглядят весьма несимпатично, что совершенно закономерно. Так, последователи иудаизма видятся константинопольскому архиепископу людьми «в высшей степени злобными» (Против иудеев 1-е), «затейливыми» и «мятежными», «негодными» и «бесстыдными» (Против иудеев Пятое). Интересы иудеев видятся епископу максимально телесными и приземлёнными: «иудеи… живут для чрева, прилепились к настоящему,…только и знают, что есть да пить, драться из-за плясунов, резаться из-за наездников». (Против иудеев 1-е). Подобно тому, как мы ранее наблюдали это у Аввакума по отношению к никонианам, иудеи ассоциируются у Иоанна Златоуста со «смехом» и «играми»: «А теперь у иудеев все детские игрушки, все смех, и срам, и корчемничество, все исполнено неисчислимого беззакония». (Против иудеев 6-е); в связи с иудейским служением в сочинениях святителя упоминается примерно тот же круг музыкальных инструментов — «тимпанов, цитр, псалтирей и других инструментов?» (Против иудеев 1-е), который, иногда несколько непоследовательно, фигурирует и в аввакумовских рассуждениях о недолжном интересе никониан к театру. Именно в связи с современными ему иудеями находим в трудах святителя и пространные ряды противопоставлений Ветхого и Нового Завета, аналогичные тем, что присутствуют в сочинениях русского протопопа:

Разве не знаешь, что иудейская пасха есть образ, а христианская — истина? Смотри, какая между ними разность: та избавляла от телесной смерти, а эта прекратила гнев (Божий), которому подпала вся вселенная; та избавила некогда от Египта, эта освободила от идолослужения; та погубила фараона, эта — дьявола; после той — Палестина, после этой — небо. (Против иудеев Третье).

"Вместо Ветхаго Моисеова закона закон благодатной Евангельской; … вместо сени свидения повсюду церкви…; вместо Моисеова жезла крест" и т. д. (299—301)

Мы видим, таким образом, что описания отрицательных персонажей в сочинениях Иоанна Златоуста и протопопа Аввакума содержат множество сходных черт. Ориентируясь не столько на реалии окружающей действительности, сколько на труды отца Церкви, протопоп наделял отрицательных персонажей своих сочинений — в первую очередь, сторонников русской церковной реформы середины XVII столетия — «типовыми» отрицательными качествами, уже успевшими получить соответствующую оценку в святоотеческой и церковной традиции. Таким образом, труды Иоанна Златоуста представляют собой ещё один важный источник аввакумовской «литературной мифологии».

Примечания

[1] Менделеева Д.С. Протопоп Аввакум: литературные облики русского раскола //Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 12. М., 2005. С. 190—191.

[2] Менделеева Д.С. Протопоп Аввакум: литературные облики русского раскола //Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 12. М., 2005. С. 277—290.

[3] Сарафанова Н.С. Произведения древнерусской письменности в сочинениях Аввакума // ТОДРЛ. М.-Л., 1962. Т. 18. С. 336.

[4] Кудрявцев И.М. Сборник XVIII в. с подписями протопопа Аввакума и других пустозерских узников // Записки отдела рукописей ГБЛ. М., 1972. В. 33. С. 148—212.

[5] См., например, Маргарит. М., 1641 или Соборник из 71 слова. М., 1647.

[6] Менделеева Д.С. Протопоп Аввакум: литературные облики русского раскола //Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 12. М., 2005. С. 259.

[7] При написании статьи использованы материалы сайта ispovednik. ru. Цитаты трудов святителя приводятся по этой электронной публикации с указанием названия сочинения в скобках.

[8] Как тут не вспомнить заявления Аввакума о том, что "нынешния пастыри...вси начальствуют и действуют". (Памятники истории старообрядчества за первое время его существования. Т. 1. Русская историческая библиотека. Т. 39. М., 1927. С.321. Далее цитаты из сочинений Аввакума по этому изданию приводятся с указанием столбца в тексте в скобках).

[9] Заметим попутно, что в персонажах творений Иоанна Златоуста можно найти также и черты, сближающими их с сочинениями Иоанна Вишенского, мельком упомянутыми нами выше. Так, описанные в сочинениях последнего украинские униаты, безвозвратно погрязшие «в статутах, конституциах, правах, практиках, сварах, прехитренях» (Вишенский Иван. Сочинения. М.-Л., 1955. С. 31), оказываются весьма похожи на византийских язычников, которые «прирезывают себе тысячи десятин земли» и «прилагают проценты к процентам и гоняются путем неправды за всяким прибытком». (К верующему отцу слово третье).

[10] Менделеева Д.С. Протопоп Аввакум: литературные облики русского раскола //Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 12. М., 2005. С. 285—290